

лось. Едва высидев заключительную молитву монаха, он вскочил и быстрее ветра помчался к мастеру.

Вбежав под навес к дяде Ауноу, Маун Чит остановился. Незнакомый человек в синих брюках важно восседал на нарах, держа в руках статуэтку.

— Ну как, мастер? Я предлагаю немалую цену. Здесь нет дома, который был бы достоин иметь такую вещь. Да и вряд ли найдется человек, который сможет тебе заплатить за нее, — услышал Маун Чит слова незнакомца.

— Верно, сударь. Для господина заместителя губернатора я бы и даром ее отдал. Но только мне хотелось бы, чтобы вы подождали дня четыре — надо еще отполировать фигурку. Как только закончу работу, я принесу ее вам, — ответил мастер.

Маун Чит показалось, будто в груди у него что-то оборвалось. Первым порывом его было схватить статуэтку и убежать прочь. Но как он мог это сделать, если статуэтка предназначалась для заместителя губернатора!

Прошло две недели. У дома, где жил Маун Чит, собралось несколько пожилых женщин, и головы у них покрыты шальями. Среди них был и один мужчина. Все молча вошли в дом. Простоволосая женщина бросилась к мужчине и, обняв его ноги, громко зарыдала: «О, Ко Аун³, может быть, ты объяснишь нам, что произошло с нашим мальчиком? О, Маун Чит, почему ты ушел от нас?»

У Аун Чжа обратился к отцу мальчика, неподвижно сидевшему у безжизненного тела сына: «Что произошло в твоём доме, Ко По Нгвей? Я пробыл в городе десять дней и ничего не слышал. Как только я вернулся, я тотчас поспешил к вам».

Вытирая слезы краем лоунджи, У По Нгвей рассказал:

— Мой дорогой Ко Аун Чжа, я не знаю, что за страсть была у нашего бедного мальчика. Все время он был печален и о чем-то тосковал. Он не ел рис и кэрри. Когда мать подносила к его рту ложку с супом, он отталкивал ее. Люди говорили нам, что его околдовали, и мы пригласили знахарку, но лучше мальчику не стало. Видно было, что кто-то нанес ему жестокую обиду, но на все наши расспросы он не отвечал. Вчера вечером он позвал мать и попросил ее отдать накопленные им деньги его наставнику монаху. Сразу после этого он спросил о вас, Ко Аун Чжа. Узнав, что вы уехали в город, он помолчал немного и еле слышно прошептал: «Дядя Аун — лжец». Это были его последние слова.

У Аун Чжа все понял. Лицо его помрачнело. ...На южной окраине деревенского кладбища, там, где растет кофейное дерево, есть одинокая могила, обложенная кирпичом и мраморными плитками. Некоторые называют ее «могилой Любви», другие «могилой Маун Чита».

Расспросив своего деда, я узнал, украшал могилу мастер У Аун Чжа. Окончив свой труд, он ушел в монастырь и там скончался три года назад.

*Перевела с бирманского
А. Дьяконова*

КАК СОЛНЦЕ

Р. К. НАРАЙАН

Индия

ПРАВДА, — размышлял Секхар, — как солнце. Вероятно, нет человека, который мог бы взглянуть ей прямо в лицо, чтобы не сморщиться или не раскрыть рот от изумления. Все отношения между собой люди строят на относительной правде, чтобы не ошеломлять друг друга».

Сегодняшний день Секхар решил считать особенным. «В самом деле, — убеждал он себя, — должны же мы хоть раз в году говорить и выслушивать абсолютную правду, чего бы это ни стоило. Иначе жизнь теряет весь смысл».

Грядущий день казался ему обещающим. О своем намерении он никому не сказал. Это было его внутреннее решение, тайный договор между ним и вечностью.

Первое же испытание нагрянуло утром во время завтрака, когда жена подала некое лакомство, которое, по ее мнению, было вершиной ее кулинарных способностей. И она еще спрашивает: «Разве не вкусно?». В другое время Секхар, снисходя к стараниям жены, уклонился бы: «Я сыт, спасибо!». Но сегодня он сказал: «Со всем не вкусно. Я просто не могу проглотить ни кусочка». Он заметил, как она сморщилась... Ничего не подделаешь! Правда — как солнце.

Другое испытание ждало его в школе, в учительской. Кто-то из коллег подошел к нему и сообщил:

— Вы слышали, умер Айянгар. Как жаль!

— Ничуть не жаль, — возразил Секхар.

— Он был такой хороший человек... — продолжал коллега.

— Далеко ему было до хорошего человека, — не унимался Секхар. — Он всегда поражал меня своей серостью, эгоизмом, лицемерием.

В конце рабочего дня, когда Секхар вел урок географии в третьем «А», он получил записку от директора: «Пожалуйста, взгляните ко мне, прежде чем уйти домой».

Секхар подумал про себя: «Должно быть, это расчет тех ужасных контрольных работ». Сотня сочинений, написанных рахитичными буквами-загогулинами... Он уклонялся от их проверки неделями, тянул, мучительно ощущая, что над его головой висит меч...

Раздался звонок, мальчики выбежали из класса. Секхар задержался на некоторое время перед дверью директорской, чтобы застегнуть пид-

³ В бирманском языке Маун, Ко, У и Сая означают примерно одно и то же — господин. Но Маун — обращение к молодому человеку, Ко (старший брат) — дружеское обращение, У (дядя) — вежливое обращение к старшему или незнакомому лицу, а Сая называют учителей и других ученых людей.

жак — это была одна из тем, на которые директор любил распространяться — затем вошел и вежливо сказал: «Добрый вечер, сэр».

Директор взглянул на него очень дружелюбно:

— Вы свободны сегодня вечером?

— Я обещал детям погулять с ними, — ответил Секхар.

— Ну погуляете с ними в другой раз. А сейчас пойдемте ко мне домой.

— О... Пожалуйста, сэр... — смешался Секхар и добавил робко: — Что-нибудь срочное?

— Да, — ответил директор, снисходительно улыбаясь самому себе. — Вы ведь знаете о моей слабости к музыке?

— Да, конечно, сэр...

— Я долго занимался дома и теперь хочу, чтоб вы меня послушали. Я пригласил барабанщика и скрипача, чтобы они мне аккомпанировали — впервые я буду петь при должном сопровождении, и мне хотелось бы знать ваше мнение — оно очень ценно для меня.

Строгий вкус Секхара был известен всем. Он считался одним из самых понимающих музыкальных критиков в городе. Но он никак не ожидал, что его музыкальные способности могут завести его в такой тупик...

— Довольно неожиданно, не правда ли? — спросил директор. — До сих пор я испытывал судьбу при закрытых дверях...

По дороге домой директор трогательно жаловался:

— Бог не наградил меня ребенком, но пусть он хоть не откажет мне в утешении музыкой.

Он болтал не переставая о том, как однажды, не выдержав пустоты и скуки жизни, начал заниматься пением; как его учитель сначала иронизировал над ним, а потом поселил в нем надежду; как он во время уроков музыки забывал о всяком честолюбии, о своем положении, превращаясь из директора школы в робкого ученика.

Дома директор вел себя заискивающе. Он усадил грозного Секхара на ковер, расставил перед ним блюда с различными деликатесами и угощал его, будто зятя, приговаривая:

— Вы должны слушать со свободной душой. И не беспокойтесь, пожалуйста, об этих контрольных работах... — Потом добродушно добавил: — Я дам вам на них еще неделю.

— Уж разрешите тогда десять дней, — осмелился Секхар.

— Десять так десять, — охотно согласился директор.

Тяжкий груз свалился с души Секхара: уж за такой-то срок он одолеет эти сочинения, освободится от тяжелого бремени!

Директор зажег благовонные палочки: «Для создания определенного настроения», — пояснил он. Барабанщик и скрипач уже сидели на ковре, ждали. Он сел между ними, откашлялся, начал вступление, но остановился и спросил: «Не правда ли, прекрасная мелодия?».

Секхар притворился, будто не слышал вопроса. Директор продолжил пение. Он пел всю легенду о Тхягарадже от начала до конца, пел без остановки, и Секхару ничего не оставалось, как слушать. «Ну и квакает же он! Как дюжина лягушек. А теперь мычит, как буйвол. Ох и заскрипел — будто оконная рама во время бури».

Медленно горели благовонные палочки. В висках у Секхара пульсировало от сумбура звуков,

которые раздавались уже два часа. Он совершенно одурел. Пение стало походить на ржание жеребца, и тут директор вдруг остановился и спросил:

— Ну как? Продолжим?

— Нет-нет, не стоит. Я полагаю этого достаточно... — отвечал Секхар.

Директор был ошеломлен. Его лицо покрылось бисеринками пота. Секхар мучился от сострадания к нему. Но он ничем не мог ему помочь. Вероятно, ни один судья, вынося приговор, не чувствовал себя столь жалким и беспомощным... А тут еще жена директора, сгорая от любопытства, выглянула из кухни...

Барабанщик и скрипач со вздохом облегчения отложили инструменты. Директор поправил очки, потер бровь и выдавил:

— Так что же вы мне скажете?

— Не могу ли я изложить вам свое мнение завтра, сэр? — попытался увиливать Секхар.

— Нет, я хочу слышать ваше откровенное мнение немедленно. Понравилось вам?

— Нет, сэр... — был ответ.

— О!.. Так продолжать занятия нет смысла?

— Абсолютно никакого, сэр, — сказал Секхар дрожащим голосом. Он чувствовал себя таким несчастным, что у него не было сил подыскать утешительные слова. «Высказать правду, — подумал он, — столь же трудно и тяжело, как выслушать ее».

Плетясь домой, он страдал безмерно. Он знал, что линия его карьеры теперь не будет прямой и ясной. Существуют вопросы об увеличении жалованья, о продвижении — да мало ли о чем! — которые полностью зависят от воли директора. Он шел с истерзанной душой. Не из-за того ли потерял Харишчандра¹ свой трон, жену и ребенка, что он говорил при любых обстоятельствах только правду?

Дома его встретила кислая физиономия жены... «Две ссоры в один день, — подытожил Секхар. — Если я буду придерживаться своего принципа целую неделю, вероятно, у меня не останется ни одного друга».

На следующее утро директор вызвал Секхара с занятий. Секхар шел полный страшных предчувствий.

— Я учел ваш совет и расстался с учителем музыки. За все это время мне никто не говорил правду о моих возможностях. Спасибо вам. К чему такое шутство в моем возрасте? Кстати, как у вас дела с контрольными работами?

— Вы же дали мне десять дней на их проверку, сэр.

— Я передумал. Они должны быть у меня в крайнем случае завтра.

Проверить сто работ за день! Это означало бессонную ночь.

— Хотя два дня, сэр...

— Нет. Завтра утром им надлежит лежать здесь. И учтите, каждое сочинение должно быть тщательно проверено.

— Хорошо, сэр, — покорился Секхар, сознавая, что ночное бдение за проверкой работ — еще не самая дорогая плата за такую роскошь, как говорить правду.

Перевела с английского
Е. Калининкова

¹ Харишчандра — легендарный царь, герой индийского эпоса.